

А.В. Захаров

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТЕРМИНА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»

Как известно, метод социалистического реализма определил содержание советской официальной культуры вплоть до падения Советского Союза. Усилия многих советских и западных историков, искусствоведов и философов были направлены на то, чтобы выяснить, что же такое «социалистический реализм». Безусловно, каждый рассматривал проблему по-своему и со своими оценками.

Немало споров вызвал вопрос о *методе*, его происхождении и его истоках. В то же время практически не возникало споров по поводу происхождения термина «социалистический реализм»: существовали различные точки зрения по этому вопросу, но острие дискуссии, естественно, было не здесь. Между тем ряд ранее засекреченных архивных документов дает возможность по-иному взглянуть на проблему, позволяет проследить действительную историю этого термина.

Появление термина «социалистический реализм» непосредственно связано с постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Напомним, что постановление критически оценило деятельность «пролетарских» литературно-художественных организаций (РАПП, ВОАПП и др.) и ликвидировало их.¹

Для создания союза советских писателей решением Оргбюро ЦК ВКП (б) был утвержден Организационный комитет (по РСФСР). Председателем и секретарем коммунистической фракции Оргкомитета стал И.М. Гронский, а почетным председателем – А.М. Горький.²

Широкое обсуждение нового термина «социалистический реализм» в советской печати началось в сентябре 1932 г., накануне Первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей. Обсуждение продолжилось и на самом пленуме: здесь с подробным докладом о содержании нового метода выступил В. Кирпотин, секретарь Оргкомитета и зав. сектором художественной литературы отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП (б). Официальное закрепление термина «социалистический реализм» как названия основного метода советской литературы происходит на Первом всесоюзном съезде Союза советских писателей.³

В официальной сталинской мифологии автором термина считался сам И.В. Сталин. Эпохальным событием пропаганда называла встречу советских писателей с руководством партии и правительства на квартире А.М. Горького 26 октября 1932 г. И.В. Сталин тогда сказал примерно следующее: «Можно быть хорошим художником и не быть материалистом-диалектиком. Были такие художники. Шекспир например <...> Мне кажется, если кто-нибудь овладеет как следует марксизмом, диалектическим материализмом, он не станет стихи писать, он будет хозяйственником или в ЦК захочет попасть <...> Но вы же не должны забивать художнику голову тезисами. Художник должен правдиво

показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет к социализму. Это и будет социалистический реализм».⁴

Записи, сделанные писателем К. Зелинским, по которым сейчас и восстанавливаются события того вечера, не были полностью опубликованы в советский период, но были более или менее известны, а высказывание Сталина цитировалось еще в постсталинские годы в работах А.К. Романовского со ссылкой на архив Института мировой литературы имени А.М. Горького.⁵ Самое главное заключается в том, что официальная мифология связывала появление термина именно с этой встречей на квартире у А.М. Горького.⁶

Заметим, что в словарной статье первого издания «Большой советской энциклопедии» (том вышел в 1947 г.) говорилось, что принципы социалистического реализма были «гениально» определены И.В. Сталиным.⁷

С началом эпохи «оттепели» перед исследователями открылись ранее секретные архивы. Первым из литературоведов в них работал А.К. Романовский. Как он сам вспоминал в беседе с автором настоящей статьи (он сейчас занимает пост ректора Киевского гуманитарного института), попасть в партархив ему удалось после того, как им было написано заявление на имя М.А. Сулова. Результатом его работы с архивными материалами стала кандидатская диссертация.⁸ Начавшаяся в середине 1950-х годов критика культа личности позволила А.К. Романовскому более объективно подойти к вопросу о появлении термина «социалистический реализм», но в постоттепельной советской историографии появилась другая крайность – отрицать единоличное авторство термина. Это приводило либо к очень туманным и общим фразам по данному вопросу,⁹ либо к тому, что отражено в небольшой статье А.Г. Дементьева, где он доказывал, что термин «социалистический реализм» придумал не один человек, а он был выработан в процессе эволюции эстетической теории советского искусства.¹⁰ Но с логической точки зрения термин тем и отличается от теории, что теория, *как правило*, разрабатывается в процессе коллективного поиска, а термин, *как правило*, придумывается одним человеком. Конечно, уточнение готовой формулировки очень часто происходит коллективно, но *окончательный вариант* названия термина, как показывает история искусства, не может быть высказан всеми теоретиками сразу, а первоначально придумывается кем-то одним.

Таким образом, советские исследования второй половины 1960–1970-х годов обходили вопрос об авторстве термина стороной, доказывая *органичность* появления основного метода советской литературы. Туманность этих работ положила начало той путанице в освещении проблемы появления термина, которая характерна для современных исследований.¹¹

Между тем установить легендарность мифа, согласно которому термин «социалистический реализм» был выдвинут Сталиным 26 октября 1932 г., достаточно просто. Библиографический указатель «Социалистический реализм» под редакцией Н.К. Пиксанова, изданный в 1934 г., показывает, что в период с мая по октябрь 1932 г. было опубликовано несколько статей, в которых так или иначе встречается термин «социалистический реализм».¹² Первое печатное упоминание датируется 23 мая 1932 г.¹³ В «Литературной газете» был опубликован фрагмент речи И.М. Гронского, председателя Оргкомитета Союза советских писателей, на собрании актива литкружков Москвы 20 мая 1932 г. Он сказал тогда, что «до последнего времени очень много писалось деклараций, много разговаривали о методах, но разговаривали схоластически, абстрактно. Было очень много группочек, но мало творческого соревнования. А надо больше заниматься литературой, творчеством. Вопрос о методе нужно ставить не абстрактно, не подходить к этому воп-

росу так, что писатель должен сначала пройти курсы по диалектическому материализму, а потом уже писать. Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, – пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма».¹⁴ Можно легко заметить, что характеристика, данная новому методу Сталиным в октябре 1932 г., практически идентична той, которую дал ему И.М. Гронский за четыре месяца до этого. В чем же дело, кто *действительно* был автором этого термина? Именно на этот вопрос мы и постараемся ответить в нашем дальнейшем рассуждении.

Ключевой фигурой в статье станет И.М. Гронский, поэтому необходимо с ним познакомиться.

Иван Михайлович Гронский (1894–1985 гг., настоящая фамилия – Федулов) до революции был эсером-максималистом. В РКП (б) вступил в 1918 г., участвовал в гражданской войне. В дальнейшем был занят на партийной работе, учился в Институте красной профессуры. В 1931–1934 гг. был ответственным редактором газеты «Известия»; в 1931–1937 гг. – журнала «Новый мир» и некоторое время – «Красной нивы». Как редактор «Известий» присутствовал на заседаниях Политбюро, СНК, СТО. В 1932–1933 гг. являлся председателем Оргкомитета Союза советских писателей и секретарем коммунистической фракции в нем. В 1938 г. был репрессирован, а в 1954 г. – реабилитирован.

А.И. Овчаренко, занявшись в середине 1960-х годов вопросами теории социалистического реализма, обратился с письмами к тем, «кто непосредственно участвовал в создании Союза писателей СССР, в выработке эстетических, этических основ его», и среди тех, кто откликнулся на его призыв, был И.М. Гронский.¹⁵

Письмо И.М. Гронского содержит много важных фактических деталей, которые почти не привлекали к себе внимание, поэтому для нас важно подробно в него вчитаться.

Он писал, что руководство РАПП не приняло постановления ЦК ВКП(б) от 23 мая 1932 г. и обратилось с жалобами в ЦК. В ответ на это было предпринято несколько попыток «товарищеского воздействия».¹⁶ Тогда, продолжает И.М. Гронский, была создана комиссия Политбюро (И.В. Сталин, Л.М. Каганович, П.П. Постышев, А.И. Стецкий, И.М. Гронский) для рассмотрения этих заявлений и принятия необходимых мер по ним.

«Накануне заседания Комиссии И.В. Сталин позвонил мне по телефону и просил зайти к нему.

Я застал его за чтением заявлений руководителей РАПП. На вопрос: читал ли я эти заявления и как отношусь к ним? – я ответил: рапповцы выступают против решения ЦК о перестройке литературно-художественных организаций, поэтому их домогательства надо осудить и отвергнуть.

– Организационные вопросы перестройки литературно-художественных организаций, – сказал И.В. Сталин, – Центральным Комитетом решены, и для перерешения их нет абсолютно никаких оснований. Остаются нерешенными творческие вопросы, и главный из них – <...> о рапповском диалектико-материалистическом методе. Завтра, на Комиссии, рапповцы этот вопрос безусловно поднимут. Нам поэтому нужно заранее, до заседания, определить свое отношение к нему: принимаем ли мы его или, наоборот, отвергаем. У вас есть на этот счет какие-либо предположения?

Готовых предложений у меня не было. Их нужно было еще найти и сформулировать. Поэтому, отвечая Сталину, я, *во-первых*, решительно высказался против принятия рапповского творческого метода <...>; *во-вторых*, остановился на творческом методе дореволюционной прогрессивной литературы – *критическом реализме* <...>; *в-третьих*, указал на то, что наша литература, являясь продолжением и дальнейшим развитием литературы критического реализма, сложилась в совершенно иных исторических условиях – на этапе пролетарского *социалистического* движения <...>.

Это совершенно новая литература. Новая и по своим общественным, и по своим эстетическим идеалам. Вот эти ее особенности, на мой взгляд, и должен отразить творческий метод советской литературы, который я предложил назвать *пролетарским социалистическим, а еще лучше коммунистическим реализмом*. В этом определении творческого метода, говорил я, мы подчеркнем два момента: во-первых, классовую, пролетарскую природу советской литературы, во-вторых, укажем литературе цель всего движения, всей борьбы рабочего класса – коммунизм.

– Вы правильно указали на классовый, пролетарский характер советской литературы, – отвечая мне, заметил Сталин, – и правильно назвали цель всей нашей борьбы. Но стоит ли нам в определении творческого художественного метода, который должен объединить всех деятелей литературы и искусства, специально оговаривать и даже подчеркивать пролетарский характер советской литературы и искусства? Мне думается, большой нужды в этом нет. Указание на конечную цель борьбы рабочего класса – коммунизм – тоже неправильно. Но ведь мы пока не ставим в качестве *практической* задачи вопрос о переходе от социализма к коммунизму. Придет время, и эта задача безусловно встанет перед партией, встанет как *практическая* задача, но произойдет это не скоро. Указывая на коммунизм как на практическую цель, вы несколько забегаете вперед. Вы нашли правильное решение вопроса, а сформулировали его не совсем удачно. Как вы отнесетесь к тому, если мы творческий метод советской литературы и искусства назовем *социалистическим реализмом*? Достоинством такого определения является, во-первых, краткость (всего два слова), во-вторых, понятность и, в-третьих, указание на преемственность в развитии литературы (литература критического реализма, возникшая на этапе буржуазно-демократического общественного движения, переходит, перерастает на этапе пролетарского социалистического движения в литературу социалистического реализма).

Я не настаивал на своей формулировке, которую И.В. Сталин так удачно сократил, сведя ее всего лишь к двум словам.

И.В. Сталин предложил мне выступить на Комиссии с критикой рапповского диалектико-материалистического творческого метода и заявить, что партия не поддерживает этот метод и заменяет его другим методом – методом социалистического реализма, который она выдвигает как *партийный* метод, определяющий позиции партии в вопросах литературы и искусства.

Я сказал, что будет лучше, авторитетнее, если на Комиссии с подобным заявлением выступит он, Сталин.

В тот же день, ночью, у меня дома собрались мои ближайшие друзья – В.В. Куйбышев, А.И. Стецкий, В.И. Межлаук, А.Н. Поскребышев и М.А. Савельев. Должен был прийти и П.П. Постышев, но он задержался в ЦК. Я рассказал товарищам о своей беседе с И.В. Сталиным, о принятой нами формулировке творческого художественного метода и добавил: завтра на заседании Комиссии, видимо, нам придется основательно повоевать за него <...> Заседание Комиссии Политбюро состоялось на другой день после приведенного выше разговора. На него от РАПП, ВОАПП и МОРП были приглашены пять или семь человек, в их числе А.Н. Афиногенов, Бела Иллеш, В.М. Киршон и Б.Я. Ясенский.

Руководители РАПП выступили с двумя предложениями: во-первых, о создании в едином союзе советских писателей, на правах автономии, самостоятельной секции пролетарской литературы, во-вторых, о принятии рапповского диалектико-материалистического творческого метода основным методом единого союза писателей.

В разгоревшейся дискуссии, которая <...> проходила очень бурно, рапповцы по *организационным* вопросам уступили довольно быстро <...> Свой творческий метод они отстаивали долго и решительно. Со стороны РАПП, ВОАПП и МОРП выступали Киршон (не менее 15 раз), Афиногенов (4 раза) и кто-то еще <...> От Комиссии Сталин (10–15 раз), Стецкий (2 раза), я (4 раза). Постышев председательствовал, Каганович молчал (он бросил лишь 1 или 2 реплики).

Заседание проходило в Кремле, в кабинете Сталина, и продолжалось 6 или 7 часов.

Усилия членов Комиссии увенчались успехом».¹⁷

По словам И.М. Гронского, «рапповцы поняли ошибочность занятой ими позиции по вопросам перестройки литературно-художественных организаций, сняли свой диа-

лектико-материалистический творческий метод, приняли предложенный Комиссией *партийный* творческий художественный метод – *социалистический реализм*.

На заседании всеми выступавшими членами Комиссии и председательствовавшим П.П. Постышевым было заявлено, что *социалистический реализм* как творческий метод художественной литературы и искусства фактически возник давно, задолго до Октябрьской революции, главным образом в творчестве А.М. Горького, и мы сейчас только дали ему название (сформулировали).¹⁸

Таково свидетельство И.М. Гронского. Какова история его публикации и как этим интересным воспоминанием пользовались исследователи?

После реабилитации И.М. Гронский стал сотрудником Института мировой литературы имени М. Горького. Д. Урнов, его коллега, в те годы, вспоминал:

«Редактируя сборник по проблемам партийности литературы, я включил туда материалы бывших соучастников по семинару.¹⁹ Своей рукой Щербина (известный литературовед и филолог Владимир Родионович Щербина. – А.З.) все это из рукописи изъяс, внушительно добавив:

– Ты представляешь, что с тобой сделали бы, если бы это проскользнуло в печать?»

Одним из материалов и был рассказ И.М. Гронского о том, как они со Сталиным выработывали термин «социалистический реализм». Рассказ был составлен на основе писем И.М. Гронского к А.И. Овчаренко.²⁰

Впервые эти письма были опубликованы самим А.И. Овчаренко в 1989 г. в журнале «Вопросы литературы»,²¹ а затем вошли в сборник статей, изданный в 1990 г. и посвященный переосмыслению теории и истории соцреалистической культуры.²² Наконец, эти воспоминания были включены составителями в издание мемуаров И.М. Гронского, вышедшее в 1991 г. Однако ни в одном из этих изданий не было необходимого источниковедческого комментария, который мог бы указать на возможность документального подтверждения воспоминаний И.М. Гронского. Между тем историки иногда ссылаются на приведенный им разговор как на имевший место.²³

Есть ли возможность проверить воспоминание И.М. Гронского? Обратимся к документам, хранящимся в фондах РГАСПИ.

7 мая 1932 г. было принято решение Оргбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по выполнению постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Среди практических мер было утверждение состава Организационного комитета Союза советских писателей под председательством И.М. Гронского, а также указывалось, что необходимо «создание оргкомитета оформить от имени соответствующих литературных организаций (бывшие РАПП, РОПКП, Союза советских писателей и другие)».²⁴

Иными словами, представители указанных литературных организаций должны были подписать созданный в ЦК ВКП(б) документ о создании Оргкомитета. Тем самым формально соблюдалась иллюзия добровольности объединения писателей в единый союз. Лаконичная формулировка постановления Оргбюро не раскрывает нам предполагаемое содержание этого заявления, равно как и сам его проект до сих пор найти не удалось.

Очевидно, вскоре проект заявления был составлен и предложен для подписания представителям литературных группировок, и в том числе рапповцам, потому что уже 10 мая виднейшие представители разогнанного РАППа (А. Фадеев, В. Киршон и Бела Иллеш) направили в ЦК письма, в которых отказывались подписать заявление. Например, В. Киршон продиктовал по телефону, что «до изложения Центральному Комитету

своих соображений в развитой форме, документ, в котором партийная деятельность коммунистической фракции РАПП оценена как принесшая вред партии, документ подписать не могу».²⁵

Более развернуто объяснили причины своего отказа А. Фадеев²⁶ и Бела Иллеш. Так, например, последний обращался к секретарю ЦК Л.М. Кагановичу и зав. Культпропом ЦК А.И. Стецкому с такими словами: «Тов. Макарьев дал мне для подписания документ, полученный им от тов. Кирпотина. Если ЦК решил, что документ должен выйти в такой форме, и в такой форме должен быть подписан и мною <...> – я, разумеется, немедленно подпишу его как дисциплинированный член партии. Я ни в коем случае не хочу бежать от самокритики <...> Но документ, предложенный мне для подписания тов. Макарьевым, дает деятельности РАПП – за которую и я несу ответственность – гораздо более резкую оценку, чем постановление ЦК от 23 апреля: можно сказать, уничтожающую оценку. Документ не содержит ни одного слова о положительных сторонах деятельности РАПП; подписать его – значит заклеить самого себя позором как чуждый пролетариату элемент. Я думаю, что понял смысл документа правильно; подписав его, я тем самым должен буду на долгое время выключиться из революционного литературного движения. Но тов. Рабичев, когда я беседовал с ним о последствиях, которые вытекают для меня из ликвидации РАПП, высказал мнение, что я могу и должен продолжать работу в Международном объединении Революционных писателей. Если моим долгом является продолжать эту работу, то я должен подвергнуть себя самокритике в такой форме, которая не лишила бы меня возможности работать дальше. Прошу дать мне возможность подписать самокритический документ именно такого порядка».²⁷

Что же содержало в себе это «заявление», из-за которого рапповцы отказались подписать предложенное ЦК письмо? Оно было подготовлено, скорее всего, Культпропом, потому что заявление, по свидетельству А. Фадеева и Бела Иллеша, передал рапповцам В. Кирпотин, бывший тогда зав. сектора художественной литературы Культпропа ЦК ВКП (б).²⁸ Современные издатели части этих документов пишут: «О каком извещении идет речь, установить не удалось. Из материалов Политбюро выяснилось, что вопрос о постановлении от 22 апреля <...> докладывали Каганович, Авербах и Панферов. Отсутствие других подготовителей постановления, возможно, связано именно с неприятием «извещения»».²⁹

Однако отсутствие подлинника проекта заявления не лишает нас возможности узнать, что же так возмутило в нем рапповцев. Дело в том, что уже *после заседания Комиссии*, о которой говорит И.М. Гронский, заявление было опубликовано в «Литературной газете» от 17 мая 1932 г. и сдавшие рапповцы подписали его. Сравнение характеристики деятельности РАППа, данной в постановлении от 23 апреля, с характеристикой, данной в этом заявлении, показывает, что они схожи по формулировкам и содержанию. В постановлении говорилось, что «в настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».³⁰

В заявлении всех писательских организаций (точнее, его подписали представители ВССП, РАППа, РОПКП, ЛОКАФа и «Перевала») о создании Оргкомитета Союза советских писателей, опубликованном в «Литературной газете», было сказано, что «Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), созданная в первые годы нэпа для укрепления позиций пролетарской литературы в обстановке, когда было еще сильно влияние чуждых элементов в литературе, на данном этапе обнаружила в своей деятельности опасность групповой замкнутости, отрыва от политических задач современности и самоизоляции от лучшей части писателей, повернувших в своей идейно-творческой работе в сторону пролетариата».³¹

Это сходство, казалось бы, противоречит впечатлению Бела Иллеша от проекта заявления, который якобы дает «уничтожающую оценку деятельности РАППа», «гораздо более резкую», чем постановление ЦК от 23 апреля 1932 г. Но для рапповцев, на протяжении нескольких лет считавших себя выразителем мнения партии и ЦК по вопросам литературы и искусства, это постановление было шоком.³² Например, 12 мая в «Литературной газете» вышла редакционная статья «К решающим успехам»,³³ написанная по поводу статьи в «Правде» «На уровень новых задач».³⁴ Опубликованная по постановлению бюро редколлегии, в которое входили многие рапповцы, передовица «К решающим успехам» вяло и неохотно описывала будущее советской литературы после разгона РАППа, и этот факт был отмечен и раскритикован чуть позже «Правдой».³⁵ При таком отношении к решению партии необходимость подписать то, что повторяет формулировки постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., могла действительно восприниматься как «уничтожающая оценка деятельности РАПП», а нежелание рапповцев подписать предлагаемое заявление было выражением их несогласия с постановлением ЦК от 23 апреля 1932 г.

Вернемся теперь к моменту подачи писем в ЦК ВКП(б). 11 мая 1932 г. за подписью И.В. Сталина и Л.М. Кагановича членам и кандидатам Политбюро было направлено следующее сообщение: «В связи с посылаемыми Вам заявлениями Фадеева, Кирсона и Бела-Иллеша предлагаем принять следующее постановление: Поручить комиссии в составе т.т. Сталина, Кагановича, Стецкого и Гронского рассмотреть вопрос, связанный с заявлением т.т. Фадеева, Кирсона и Бела-Иллеша, и принять решение от имени Политбюро».³⁶ На рукописном варианте этого постановления Политбюро технический секретарь приписал «б/голосов за».³⁷ Решение было принято путем опроса и оформлено в качестве постановления Политбюро.³⁸

А уже 12 мая членам и кандидатам Политбюро был разослан проект нового постановления за подписью все тех же секретарей ЦК – И.В. Сталина и Л.М. Кагановича: «В связи с поступившими в ЦК заявлениями Бела Иллеша, Фадеева, Авербаха, Шолохова, Кирсона и Макарьева, комиссией Политбюро принято следующее постановление: Ввиду того, что т.т. Фадеев, Киршон, Шолохов, Макарьев взяли свои заявления обратно и признали свою ошибку, считать вопрос исчерпанным».³⁹ Решение было также принято путем опроса и оформлено в качестве постановления Политбюро.⁴⁰

Итак, пока оформлялось решение о создании Комиссии, в ЦК направили свои письма такие видные рапповцы, как Л. Авербах и И. Макарьев, и если Комиссия собиралась для принятия решений по трем заявлениям, то решение было принято уже по гораздо большему количеству писем.

Но собиралась ли Комиссия? Все то же решение Политбюро не указывает нам на это; может создаться впечатление, что рапповцы забрали заявление и вопрос сам собой разрешился. Однако журнал регистрации лиц, принятых И.В. Сталиным с 9 сентября

1927 г. по 14 марта 1933 г., наглядно свидетельствует о том, что Комиссия заседала. Вот кто посетил Сталина 11 мая 1932 г:

«1. Тов. Каганович	вход в 15 час 45 м выход в 21 час 15 м
2. Тов. Стецкий	вход в 16 час 00 м выход в 21 час 10 м
3. Тов. Гронский	вход в 16 час 00 м выход в 21 час 10 м
4. Тов. Киршон	вход в 16 час 20 м выход в 21 час 10 м
5. Тов. Фадеев	вход в 16 час 20 м выход в 21 час 10 м
6. Тов. Авербах	вход в 16 час 55 м выход в 21 час 10 м все вышли 21 час 15 м» ⁴¹

Итак, в тот день у И.В. Сталина собрались те, кто был назначен членом Комиссии Политбюро (И.В. Сталин, Л.М. Каганович, А.И. Стецкий и И.М. Гронский) и три представителя РАППа, подававшие заявления в ЦК. Можем ли мы считать это посещение И.В. Сталина сразу шестью партийцами заседанием Комиссии? Попробуем для этого реконструировать события начала мая 1932 г.

7 мая Оргбюро приняло решение о формировании Оргкомитета Союза советских писателей и об оформлении этого решения от имени литературных организаций. Этим занимался Культпроп, а заведующий сектором художественной литературы В. Кирпотин непосредственно передал этот проект рапповцам. Они были возмущены его содержанием и написали в ЦК письма (первые пришли 10 мая, в этот же день позвонил в ЦК В. Киршон). 11 мая было принято решение о создании Комиссии Политбюро по этому вопросу; в этот же день, во второй половине дня, она собралась вместе с тремя представителями РАППа, вынесла решение, а на следующий день это решение было оформлено в виде постановления Политбюро. В «Литературную газету» от 12 мая заявление от литературных организаций подготовить не успели, и там вышла редакционная статья «К решающим успехам», раскритикованная через два дня «Правдой». Наконец, 17 мая заявление было опубликовано: в этот же номер вошло заявление РАППа о самороспуске, подписанное Л. Авербахом, И. Макарьевым, А. Фадеевым, В. Киршоном и Л. Панферовым.⁴² А 20 мая И.М. Гронский выступил на собрании литкружков Москвы и впервые упомянул название будущего метода всего советского искусства – «социалистический реализм».

Можно ли доверять свидетельству И.М. Гронского о придумывании им вместе с И.В. Сталиным названия нового метода советской литературы? Сопоставление фактов показало, что И.М. Гронский не выдумал ни факта заседания Комиссии, ни повода к ее созданию, ни ее состава (за исключением ошибочного включения в нее П.П. Постышева). Он на один час ошибся в вопросе о продолжительности заседания (6–7 вместо фактических 5), неточно, но верно назвал дату ее заседания (у И.М. Гронского – конец апреля, начало мая; фактически – 10 мая). Есть и другие неточности в его воспоминаниях, которые, несомненно, объясняются тем, что между письмом И.М. Гронского к А.И. Овчаренко и его разговором с И.В. Сталиным прошло 40 лет, из которых около 15 И.М. Гронский провел в лагере.⁴³

Однако есть неясность, которая может сначала даже вызвать недоверие к свидетельству И.М. Гронского. Одно из самых важных мест в его воспоминаниях – разговор с

И.В. Сталиным в мае 1932 г. Напомним, что И.М. Гронский писал, будто «накануне заседания Комиссии И.В. Сталин позвонил мне по телефону и просил зайти к нему». Однако в журнале регистрации лиц, принятых И.В. Сталиным, И.М. Гронский не записан на 10 мая 1932 г.,⁴⁴ а это означает, что он не входил в этот день в кабинет генсека. Войти не зарегистрированным он не мог, так как в журнале обязаны были регистрироваться все, включая гораздо более близких к Сталину – Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и В.М. Молотова.

Во-первых, совсем необязательно, чтобы разговор И.В. Сталина с И.М. Гронским проходил именно в кабинете главы партии в Кремле. Если учесть, что письма рапповцев поступали в течение дня, то Сталин знакомился с ними, возможно, поздно вечером (не зря же решение Политбюро о создании Комиссии было принято только на следующий день). Да и сам И.М. Гронский вспоминает, что вернулся домой ночью, что и указывает на позднее время его беседы со Сталиным. Таким образом, разговор мог состояться в других помещениях или даже на квартире у Сталина, тем более что в тот день последние люди (К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович и В.В. Куйбышев) вышли из кабинета руководителя партии в 14.55.⁴⁵

Во-вторых, эта беседа И.В. Сталина с И.М. Гронским не могла не произойти в силу тогдашнего положения И.М. Гронского. Мог ли Сталин идти на заседание Комиссии, не подготовившись к вопросу о рапповском диалектико-материалистическом методе, не посоветовавшись со специалистом и не обеспечив себе поддержку? И, конечно, таким лицом должен был быть прежде всего председатель Оргкомитета Союза советских писателей и секретарь коммунистической фракции в нем – И.М. Гронский. А вопрос о рапповском методе поднимался Комиссией потому, что и в речи Гронского 20 мая, и в реплике Сталина в октябре на квартире у А.М. Горького сначала критиковался метод диалектико-материалистического реализма, а затем этому методу, в самом конце фразы, был противопоставлен метод социалистического реализма. Подобное противопоставление могло появиться именно в их речах только в том случае, если выработку названия и определения нового метода Сталин и Гронский сделали вместе, причем отталкиваясь от содержания рапповского метода – так, как это сказано в воспоминаниях И.М. Гронского. Отметим также, что И.В. Сталин никак не мог самостоятельно придумать и обосновать новый метод, не обсудив на Комиссии, а потом просто предоставить И.М. Гронскому материалы, по которым председатель Оргкомитета сказал свою речь 20 мая на собрании литкружков Москвы. 1932 год – это не 1952, И.В. Сталин в эти годы советовался с ближайшими соратниками по Политбюро, и его власть была еще не настолько единолична, как в более поздний период.

Кроме того, как показывают документы, И.М. Гронский в те годы был очень близок к И.В. Сталину. Так, например, в одном из своих писем к Сталину от 1933 г. он предстает как один из главных доверенных партии в среде интеллигенции.⁴⁶

Наконец, само содержание разговора И.В. Сталина с И.М. Гронским могло быть и было именно таким, как вспоминает И.М. Гронский. Почему? Как нам кажется, историческая ситуация 1932 г. могла дать мотивы для названия нового метода советской литературы социалистическим реализмом. Обратим внимание на те возражения, которые делает И.В. Сталин на предложения И.М. Гронского: он считает, что лучше не подчеркивать пролетарский характер нового метода и объясняет, почему слово «социалистический» предпочтительнее остальных вариантов. Это время – эра индустриализации, попытки воплотить в жизнь сталинскую теорию о возможности построения социализма в одной стране. Для этих целей мобилируются все людские ресурсы государства: заново строит-

ся сильное государство, а не готовится площадка для революционной войны и разжигания мировой революции. Новому курсу нужны специалисты – и очень часто не важно, какого происхождения.

В этих условиях И.В. Сталин и отвергает название нового метода как «пролетарский социалистический реализм». РАПП был распущен отчасти потому (были и другие причины), что отвергал так называемых попутчиков, декларировал свой метод как пролетарский. А Союз советских писателей, наоборот, станет организацией, объединяющей и пролетарских, и крестьянских, и беспартийных писателей, он станет организацией, которая объединяет всех писателей на службе у государства, мобилизует их под эгидой единого метода.⁴⁷

Что касается слова «социалистический», то выбор именно его связан со сталинской теорией построения социализма в одной стране (то же он говорит в своем разговоре с И.М. Гронским). Для Сталина важно было подчеркнуть курс на социализм, а не на *мировую коммунистическую революцию*. Слово «реализм» выглядело в названии нового метода вполне естественно.⁴⁸ Уже в конце 1920-х годов споры шли вокруг того, каким должен быть этот реализм, а не вокруг того, реализм ли является самым революционным и пролетарским методом или нет.

Таким образом, мы можем сказать, что разговор между И.М. Гронским и И.В. Сталиным накануне заседания Комиссии имел место, причем темой его было именно то, о чем говорит И.М. Гронский – рапповские заявления и социалистический реализм как новый метод советской литературы, который был противопоставлен диалектико-материалистическому методу теоретиков РАППа. Многое из того, что приписал И.М. Гронский И.В. Сталину в этом разговоре, он мог спутать с более поздними выступлениями и речами вождя, а также с теми характеристиками, которые гораздо позже стали определяться официальной эстетикой социалистического реализма как основополагающие принципы метода. Но именно тогда, в мае 1932 г., и появился термин «социалистический реализм», вопреки до сих пор устойчивому мифу, будто бы впервые его выдвинул И.В. Сталин в октябре 1932 г.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВОАПП – Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей
- МОРП – Международное объединение революционных писателей
- РАПМ – Российская ассоциация пролетарских музыкантов
- РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РОПКП – Российская организация пролетарско-колхозных писателей

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5: 1929–1932. С. 407–408.

² Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 175.

³ Подробнее о формировании теории социалистического реализма в 1932–1934 гг. см.: *Ermolaev H. Soviet literary theories 1917–1934. The Genesis of socialist realism.* Los Angeles, 1963. P. 119–206; *Романовский А.К.* Партийное руководство литературой в период подготовки в Первом съезде советских писателей // О политике партии в области литературы и искусства: Учен. зап. АОН при ЦК КПСС. М., 1958. Вып. 39. С. 74–114; *Захаров А.В.* Трактровка категории «социалистический реализм» в советской официальной историографии // Материалы Студенческого научн. об-ва ист. ф-та СПбГУ. СПб., 2005. Вып. 2. С. 249–255.

- ⁴ *Зелинский К.* Одна встреча у Горького (запись из дневника) // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 167.
- ⁵ См., напр.: *Романовский А.К.* Знаменательная веха: Из истории становления советской литературы. М., 1970. С. 133–134.
- ⁶ *Петросян А.А.* Политика партии в области художественной литературы в 1930–1933 годы: Канд. дис. / Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Кафедра теории и истории литературы. М., 1951. С. 58, 243.
- ⁷ [Социалистический реализм] // Большая советская энциклопедия. Изд. 1-е / Под ред. С.И. Вавилова. М., 1947. Т. 52. С. 239.
- ⁸ *Романовский А.К.* Из истории подготовки Первого Всесоюзного съезда советских писателей: Канд. дис. / АОН при ЦК КПСС. М., 1958. — Материалы диссертации опубликованы в следующих работах: *Романовский А.К.* 1) Партийное руководство литературой в период подготовки в Первом съезде советских писателей // О политике партии в области литературы и искусства: Учен. зап. АОН при ЦК КПСС. М., 1958. Вып. 39. С. 74–114; 2) Знаменательная веха...
- ⁹ См., напр.: *Тимофеев Л.Н., Тураев С.В.* Социалистический реализм // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стлб. 93; *Гей Н.* Социалистический реализм // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 74–75; *Метченко А.* Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы. М., 1975. С. 271–294.
- ¹⁰ *Дементьев А.Г.* О термине «социалистический реализм» // Из истории советского искусствознания и эстетической мысли 1930-х годов / Под ред. В.В. Ванслова. М., 1977. С. 406–407.
- ¹¹ См., напр.: *Ревакина А.* К истории понятия «социалистический реализм» // Наука о литературе (история, методология, литературный процесс): Сб. ст. / Отв. ред. и сост. А.А. Ревакина. М., 2001. С. 287; *Чегодаева М.* Соцреализм: мифы и реальность. М., 2003. С. 54–55.
- ¹² Социалистический реализм: Библиографический указатель / Под ред. Н.К. Пиксанова. Л., 1934. С. 9–10.
- ¹³ Этот факт впервые обнаружил Г. Ермолаев (*Ermolaev H.* Soviet literary theories 1917–1934 ... P. 144–145).
- ¹⁴ Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков: На собрании актива литкружков Москвы // Литературная газета. 1932. 23 мая, № 23. С. 1.
- ¹⁵ К истории партийной политики в области литературы (Переписка И.М. Гронского и А.И. Овчаренко) // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 143.
- ¹⁶ *Гронский И.М.* Из прошлого... М., 1991. С. 138.
- ¹⁷ Там же. С. 334–337.
- ¹⁸ Там же. С. 337.
- ¹⁹ Семинар по методологическим проблемам, в который входил молодой Дмитрий Урнов, литературовед Я.М. Строчков и И.М. Гронский (*Урнов Д.* Искусство исторического оптимизма, или тридцать лет спустя // С разных точек зрения: избавление от миражей. Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 106).
- ²⁰ Там же. С. 107–118
- ²¹ К истории партийной политики в области литературы (Переписка И.М. Гронского и А.И. Овчаренко) / Публ. А.И. Овчаренко // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 143–166).
- ²² С разных точек зрения: избавление от миражей. С. 119–123.
- ²³ См., напр.: *Розинер Ф.* Соцреализм в советской музыке // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 166.
- ²⁴ Власть и художественная интеллигенция... С. 175–176.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 941. Л. 69.
- ²⁶ Подробнее см.: Власть и художественная интеллигенция... С. 176–177.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 941. Л. 70.
- ²⁸ Там же. Оп. 114. Д. 295. Л. 118.
- ²⁹ Счастье литературы: Государство и писатели. 1925–1938. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 136.
- ³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 407.
- ³¹ Сплотиться вокруг коммунистической партии: О создании оргкомитета единого союза советских писателей // Литературная газета. 1932. 17 мая. № 22. С. 1.
- ³² *Кларк К.* РАПП и институционализация советского культурного поля // Соцреалистический канон... С. 219.
- ³³ К решающим успехам // Литературная газета. 1932. 12 мая. № 21. С. 1.
- ³⁴ На уровень новых задач // Правда. 1932. 9 мая. № 127. С. 2.
- ³⁵ Об угнетенной невинности // Правда. 1932. 14 мая. № 132. С. 4.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 295. Л. 68.

³⁷ Там же. Л. 67.

³⁸ Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 8; см. также: Власть и художественная интеллигенция... С. 754–755.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 941. Л. 75.

⁴⁰ Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 9.

⁴¹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 409. Л. 79.

⁴² Постановление правления РАПП // Литературная газета. 1932. 17 мая. № 22. С. 1.

⁴³ Напр., А. Афиногенов не мог присутствовать на заседании Комиссии (хотя, по И.М. Гронскому, он там был), так как с марта по август 1932 он находился в заграничной поездке (*Афиногенов А. Избранное: В 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 617*).

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 409. Л. 78 об.

⁴⁵ Там же. – Не исключено также, что подобный разговор прошел по телефону.

⁴⁶ Подробнее см. там же. Д. 725. Л. 49–55.

⁴⁷ В другом письме к А.И. Овчаренко И.М. Гронский писал: «При проведении в жизнь Постановления ЦК от 23 апреля 1932 г. руководство партии придавало наибольшее значение переходу всей массы художественной интеллигенции на сторону советской власти и, естественно, изыскивало средства закрепления этого перехода, рассматривая его как одно из важнейших политических событий начала 30-х гг., как один из результатов выполнения первой пятилетки» (*Гронский И.М. Из прошлого... С. 355*).

⁴⁸ Впрочем, как говорит Г. Ермолаев, «главную роль в названии этого метода играло прилагательное, означавшее тотальную мобилизацию литературы не только для исполнения ближайших целей Второй пятилетки, но и для развития реалий социализма вплоть до построения Коммунизма» (*Ermolaev H. Soviet literary theories 1917–1934... P. 160*).

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2005 г.